

ШНУРКИ В СТАКАНЕ

Тут многие утверждают, что мои родители – это святые люди. И даже есть одно правительство, в Голландии, кажется, которое родителям платит премию. Ну, не моим, конечно. Тем, с которыми ихние дети соглашаются жить, после двадцати одного года.

Не думаю, кстати, что госбюджет сильно по этой статье тратится. Единичные, должно быть, случаи. Бывают ведь безвыходные ситуации. Опять же неясно, почему премию – родителям. Несправедливо как-то. А о детях подумали? Дают же шахтерам молоко. А за моих надо двойной оклад давать, вот что. Потому что я все на себя взяла. Уберегла мир.

* * *

Звонит мне папа. Из Китая. Я вообще-то в Австралии постоянно живу. Уже шесть месяцев и одиннадцать дней. Ну и конечно родителей пригласила, чтоб они увидели, как мы тут расположились. А родители по дороге в Австралию в Китай заехали временно: там папа лекции читал, а мама при нем пребывала. Так что билеты я им в Пекин с DHL посылала. Дорогая довольно-таки доставка. Зато с гарантией. Ну вот, и папа, значит, перед окончательным вылетом в Австралию решил позвонить.

Я говорю: – О, папа! Привет!

Он тоже радуется.

Я говорю уверенным голосом: – Ну, вы билеты-то получили?

Папа спокойно так отвечает – Билеты? Ааа, билеты. Нет. Не получили.

Разговор происходит в пятницу вечером, улетать в понедельник утром. В Китае папики валандаются уже неделю.

Я говорю: – !!! Папа!

А он отвечает – Ну-ну, успокойся. Мы же делом заняты. Лекции, экскурсии. Вчера был банкет... А завтра у нас прием. Да, послушай! У нас два переводчика! И машина с шофером!

С ума они там сошли, думаю я. Билеты – non-refundable! Вернуть нельзя, ясно? Три с половиной куса кенгурей, не считая доставки!

Кто эти люди? От кого я произошла?!

Звоню китайцам. В гостиницу, куда билеты не пришли. Где?!!!

Мне говорят: – Минутку, мадам.

Три минутки слышны шепелявые китайские песенки, потом прорезывается следующий китаец. – Где...

Мне опять: – минутку, мадам. – Песенка.

Очередной китаец вдруг выдает:

– Мадам, я говорю по-английски. А вы на каком языке?

Это – мне??? Я, которая уже все-все почти понимает сразу – на каком языке?

Ну, потом-то все разъяснилось! Телефон из Австралии в Китай устроен в виде длинной трубы. Действует только в одну сторону. То есть говорить может кто-то один. Второй слышит, если держит себя в руках и молчит. Когда говорят оба одновременно, звуки в трубе встречаются и нейтрализуют друг друга. Интерференция, понял? Стоячая волна. По физике проходили.

А если где-нибудь в районе Индонезии на телефонную трубу садится слон, то телефонная связь между континентами временно прерывается.

В воскресенье папа позвонил, и немного утомленно сказал, что уж сегодня они наверняка постараются заскочить в DHL. Действительно, билеты это фигня. Волноваться надо о другом. Боюсь, мы еще из аэропорта не доедем, как поссоримся – уж очень соскучились.

* * *

На первые две недели мы пристроились пасти свиней. Ну и спали там же. Свинки оказались морские и ужасно милые. Они всегда молчат, если есть капуста. Потом свиновладельцы вернулись, и мы перебрались к другим хозяевам, стеречь собак. Потом кормили рыбок.

Родители жили у нас, воспитывали внука. Мы наезжали в гости.

Все было классно, пока однажды не пришлось возвращаться. В свой стакан.

Накануне нас вписал на одну дополнительную ночь добрый собачий хозяин. Тут, конечно же, возник конфликт – я считала, что лучше с собаками, а мой текущий думал, что с моими родителями. И где-то примерно в шесть утра я осознала, что лучше всего не с собаками или родителями, а без Паши, который вскакивает с собачьего половичка и топчется каждые тридцать минут.

Он утверждал, что его кусают собачьи блохи, что является возмутительной брехней и клеветой на блох. Я тут же ему посоветовала, куда направиться, и он удалился по известному адресу.

Встретились мы дома. Потом долго двигали мебель, переселяя рентов к ребенку, а ребенка в гостиную.

С утра было интересно. Посреди дороги лежал мой сын, перекрывая своим телом ход на кухню и выход на волю.

Я на цыпочках разбежалась и, сильно размахнувшись передней ногой, перескочила через препятствие. И пошла в бассейн, радуясь своей хитрости.

Долго мне плавать не пришлось. Через час в бассейн приперся текущий и стал околачиваться по берегу, подавая мне знаки. Потому что он чего-то там не мог найти, и вообще, он с родителями стесняется, так чего ж мне не вылезти и не пойти обратно.

Дома выяснилось, в чем дело: варение холодца из синих свиных ног было в самом разгаре, поэтому находиться в пределах жилья мог только человек без обоняния и, желательно, глухой, потому что какой же холодец без песен. Песни орало радио. Конечно, слушать «Гражданскую оборону» эти утлые люди отказались наотрез.

– Ребенку нечего есть, – они говорят, – и варят холодец.

Почему это нечего есть? Тут все растет на улицах. Яблоки, сливы, айва всякая. И грибы начались, что радует. Оказалось, это только меня радует. Потому что больше никто это есть не может. И те, которые не могут, говорят в мой адрес обидные слова. Оскорбляют по-всякому. Ну-ну. Посмотрим еще, кто дольше проживет.

Про свиные ноги слов никаких у меня нет вообще. У них, видимо, тоже, потому что они давно уже со мной не разговаривают. Только по делу. – Подвинься, например. – Какие плохие манеры. Где тебя воспитывали. И так далее.

К тому же я не люблю ребенка, – родители сказали. Я сразу согласилась.

– Судьба, – говорю, – у него такая. Я особенно папу его на дух не выношу. Прямо порвать могу, как увижу.

Они тогда подруге моей пожаловались. А та сказала, что меня лучше не бесить, а то хуже будет.

Ну, и чтоб оправдать ожидания, я теперь по утрам пинаю матрас, на котором сиротка спит в гостиной, и ору страшным голосом:

– Давай сейчас деньги сюда мне! Курицын сын! Кто съел сосиски!

Курицын сын глупо хихикает, закапываясь в одеяло.

* * *

А ты никогда не думал, зачем тебя рожали? Меня вот делали для решения практических вопросов. А когда вопросы разъяснились, девать меня было уже некуда. Я тоже однажды решила выяснить, как получают дети. Потом из замужа еле ноги унесла. Сегодня домоталась к текущему, зачем они с прошедшей женой детей делали. Он говорит, само получилось. Ага. Знаем мы это “само”, как же.

А теперь отвечай, только честно: ты еще детей хочешь?

2001
Melbourne